

По изданию:
Л.Н.Толстой. Полн. собр. Соч. в 90 тт., Т. 63. М.-Л., 1934
С. 127 – 144.
Подготовка файла: Y.P. Leonet (Роман Алтухов).

127

Л.Н. Толстой
ПИСЬМО
К М.А. ЭНГЕЛЬГАРДУ

Дорогой мой М[ихаил] [Александрович]. Пишу вам «дорогой» не потому, что так пишут, а потому что, со времени получения вашего первого, а особенно второго письма, чувствую, что вы мне очень близки, и я вас очень люблю. В чувстве, которое я испытываю к вам, есть много эгоистического. Вы верно не думаете этого, но вы не можете и представить себе, до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящий «я», презираемо всеми, окружающими меня. Знаю, что претерпевый до конца спасён будет, знаю, что только в пустяках дано человеку право пользоваться плодами своего труда, или хоть видеть этот плод, а что о деле Божьей истины, которая вечна, не может быть дано человеку видеть плод своего дела, особенно же в короткий период своей коротенькой жизни; знаю всё это и всё-таки часто унываю, и потому встреча с вами и надежда, почти уверенность найти в вас человека, искренно идущего со мной по одной дороге и к одной и той же цели, для меня очень радостна.

Ну, теперь буду отвечать по порядку. Письма ваши к Аксакову¹ мне понравились, особенно последнее. Доводы ваши неотразимы, но для него не существуют. Всё, что он говорит, давно мне знакомо. Всё это повторяется в жизни, в литературе, в беседах: всё одно и одно. И именно вот что: вы говорите: я вижу, что это истина, а это ложь, вот потому-то и потому-то, и что это добро, а это зло, потому-то и потому. Аксаков и ему

подобные видят, что это правда, даже прежде чем вы сказали им, они знают правду. Но они живут во

лжи, и им для того, чтобы человек, как и всякий другой, с сердцем, любящий добро и ненавидящий зло, и разумом, имеющим одну цель отличать ложь от истины, для того, чтобы человек мог жить во лжи и зле и служить им, он должен был уже прежде закрыть глаза на истину и продолжать делать любимое им зло. А ширмы эти одни и те же у всех: историческое воззрение, объективный взгляд, забота о других и устранение вопроса о своем отношении к добру и истине. Это делает Аксаков, это делает Соловьёв², это делают все богословы, это делают все государственные люди, политико-экономы, это делают все, кто живёт противно истине и добру и которым нужно оправдаться перед самими собой.

(Ев. Иоанна, III, 19—21) Нельзя сказать это яснее, чем там сказано. Из этого я делаю тот вывод, что, по отношению к этим людям, не надо метать бисера, а надо выработать в себе известное отношение к ним, при котором не тратилось бы напрасно сил. Рассуждение же с ними не только праздное дело, но вредное для нашей цели. Они раздражат вас вызовом на что-нибудь лишнее, неточное, и, забывая всё главное из того, что вы сказали, привяжутся к одному этому. Отношение к ним, которое я стараюсь выработать в себе и советую другим, такое же, какое моё отношение к развращённому, пьяному ухарю, который хочет втянуть в свой разврат моего 16-ти летнего сына. Я жалею этого развратника, но не буду исправлять его, потому что знаю, что это невозможно. Он отпетый, и только меня перед сыном поднимет на смех. Не буду тоже удалять моего сына насильно от него, потому что сыну моему неизбежно, не нынче, так завтра, встретиться с ним и с его подобными; я даже не буду стараться перед сыном

разоблачать его гадость. Надо, чтобы сын сам открыл её. А я буду стараться наполнить душу сына своего таким содержанием, чтобы соблазны молодца не захватывали его, а то потратишь силы, которых и так мало, на метание бисера, да ещё затопчут и растерзают, — не меня и вас, и NN, а затушат маленький брежущий свет среди тьмы.

И вот этим отступлением я прямо, нечаянно, подошёл ко второму главному пункту вашего письма. Но как же раскрывать глаза людям, спасти их от соблазнов распутни-

ков, когда насилие мешает этому? *Как добиться осуществления евангельского учения? Не должен ли я заступиться за людей, если они просят меня о помощи, хотя бы пришлось освободить их силою, если перед моими глазами убивают и мучают людей?* Освободить и заступаться за людей силой — не должно, и не должно потому, что этого нельзя и потому что пытаться делать добро насилием, т. е. злом — глупо. Душа моя, пожалуйста, ради Бога истины, которой вы служите, не торопитесь, не горячитесь, не придумывайте доказательств справедливости вашего мнения прежде, чем не вдумаетесь не в то, что я напишу вам, а в Евангелие, и даже не в Евангелие, как слово Христа или Бога и т. п., а в Евангелие, как самое ясное, простое, всем понятное и практическое учение о том, как надо жить каждому из нас и всем людям.

Если на моих глазах мать засекает своего ребёнка, — что мне делать? Поймите, что вопрос в том, что мне следует делать, т. е., что хорошо и разумно: а не в том, какое будет моё первое побуждение при этом. Первое побуждение при личном оскорблении — это отомстить; но вопрос в том, — разумно ли это. И точно такой же вопрос о том, разумно ли употребить насилие против

этой матери, которая сечёт ребенка. Если мать сечёт своего ребёнка, то, что мне больно и что я считаю злом? То ли, что ребёнку больно, или то, что мать, вместо радости любви, испытывает муки злобы? И я думаю, что зло в том и в другом. Один человек не может делать ничего злого. Зло есть разобщение людей. И потому, если я хочу действовать, то могу только с целью уничтожить разобщение и восстановить общение между матерью и ребёнком. Как же мне поступать? Насиловать мать? Я не уничтожу её разобщения (греха) с ребёнком, а только внесу новый грех, разобщение со мной. Что же можно? Одно — подставить себя вместо ребёнка — это не будет неразумно. То, что пишет Достоевский³, и что мне очень противно, мне говорили схимники и митрополиты, именно, что воевать можно, что это защита — душу положить за братьев — я всегда отвечал: защищать грудью, подставляя себя, — да, но стрелять в людей из ружей, — это не защищать, а убивать. Вникните в учение Евангелия и вы увидите, что коротенькая 3-я заповедь (Матф. 5, 38, 39) не противься злу, т.е. злом не отвечать на зло — есть, не скажу главное, но есть смыкающее звено всего

учения, и то самое, которое старательно обходили и обходят все учения лжехристианские, и то самое положение, непризнание которого послужило основой всему тому, что вы так справедливо ненавидите. Не говорю о Никейском Соборе⁴, наделавшем столько зла и основанном на этом самом непонимании учения Христа, т. е., на насилии во имя добра и Христа; в апостольские времена уже у Павла⁵ в деяниях зарождается это насилие во имя добра и нарушает смысл учения.

Как часто бывало мне смешно в беседах моих с попами и революционерами, смотрящими на евангельское учение, как на орудие достижения цели

внешней — и те, и другие люди крайних полюсов, с одинаковой яростью отрицали это основное положение учения Христа. Первым нельзя не гнать, душить разноверов, не благословлять побоища, казни; вторым нельзя насильем не разрушать существующий безобразный беспорядок, называемый порядком. Очевидно, попы и власти не могут себе представить даже жизни людской без насилия. Точно так же и революционеры. По плодам узнаете дерево; не может дерево доброе приносить плоды насилия. Учение Христа не может служить ни тому, чтобы душить, ни тому, чтобы сковыривать. И потому и те, и другие, извращая учение, сами лишают себя той единственной силы, которую дает вера в истину во всю, а не в частичку её. Поднявшие меч — мечом погибнут; это не предсказание, а утверждение всем известного факта....

(Матф. IV. 22, 23, 24 — в особенности 23.) Если свет твой — тьма, если то, что ты считаешь добром — зло, то каково же будет зло твоей жизни и дел. Нельзя служить немножко Богу, немножко дьяволу. И Евангелие не такая глупая книга, как нам её расписали попы. И всякое положение сказано там не на ветер, а так, что оно органически связано со всем учением, — так и заповедь о непротивлении злу насильем проходит через всё Евангелие и без неё учение Евангелия для меня по крайней мере всё распадается. Мало того, что оно выражено много раз так ясно и прямо, что нельзя его скрасть, мало того, что всё описание жизни и дел Христа есть приложение этой заповеди; мало того, что у Иоанна⁶ выставлен Каиафа⁷, непонимающим этой истины, и, вследствие непонимания её, во имя блага народа, губящий жизнь Христа, там указано прямо на то, что противление злу есть самый страшный

и опасный соблазн, которому поддаются не только ученики Христа, а чуть было не подпал и он сам. Но мало того, мне теперь кажется, что если бы и не было Христа и его учения, я бы сам открыл эту истину, — так она мне теперь кажется проста и ясна и я уверен — такую же покажется и вам. Мне так ясно теперь, что допусти я для себя малейшее насилие во имя исправления огромнейшего зла, другой на основании того же допустит и для себя маленькое насилие, и 3-ий, и 4-й и миллионы маленьких насилий сложатся в то ужасное зло, которое царствует теперь и давит нас.

Вот, если вы исполнили мою просьбу и дочли до сих пор спокойно, воздерживаясь от доказательств подтверждения вашего мнения, а следили за изложением моего, то, надеюсь, вы согласитесь, что есть сильные доказательства и для противного вам мнения, и надеюсь, ещё более согласитесь со мной, когда прочтёте краткое изложение⁸ и перевод четвероевангелия, которое посылаю вам. Сколько я догадываюсь, вы теперь вот в каком положении: разум ваш говорит вам, что я прав, но сердце ваше возмущается против такого положения о непротивлении злу. Вы говорите себе: что-нибудь тут не так, какая-нибудь тут есть ошибка рассуждения, я найду её и докажу, потому что не может быть, чтобы учение Христа, учение любви к брату — вело к тому, чтобы сидеть сложа руки, глядя на зло, совершающееся в мире. Хорошо, говорите вы, ему, отжившему старику разводить лясы и уверять всех, что надо терпеть зло. Ему хорошо, он сыт, доволен, всё у него есть и осталось доживать немного. Весь жар жизни уже выжит им, но я без рассуждений чувствую, что во мне заложена любовь к добру и правде и ненависть ко злу и лжи не даром; я не могу не выражать её и не жить во имя её, а каждый шаг моей жизни есть борьба со злом. И я должен бороться и буду бороться с ним теми средствами, которые мне уяснились уже и которые ещё уяснятся и представятся. Нужна проповедь в народе,

сближение с сектантами, воздействие на правительство и т. п.

Чувство, подсказывающее это, — хорошее чувство, и за него-то я люблю вас, но это самое чувство побудило Петра¹⁰ застаться ножом и отрубить ухо рабу. Представьте себе, что бы было, если бы Иисус не удержал их; сделалась бы свалка, Иисусовы бы победили, и потом завоевали бы Иеру-

салим¹¹. Они бы порубили и их бы порубили. Каково было бы Христианское учение? Его бы не было, и нам не на что было бы упереться; мы были бы хуже Аксаковых и Соловьёвых. Для того, чтобы вам полнее выразить мою мысль, скажу вам, в чём я полагаю значение Христа, значение не туманно-метафизическое, а значение ясное, жизненное.

Все говорят, что значение христианства в том, чтобы любить Бога и ближнего, как самого себя. Но что такое Бог? Что такое любить что-то непонятное — Бога? Что такое ближний? Что такое сам я? Слова эти имеют для меня значение такое: любить Бога — значит любить истину; любить ближнего, как самого себя — значит признавать единство своей сущности души и жизни со всякой другой человеческой жизнью, с вечной истиной — Богом. Так это для меня. Но мне ясно, что эти ничего не определяющие слова могут быть понимаемы иначе, и что большинство не может даже их понимать так, как я. Главное же то, что слова эти ни для меня и ни для кого ни к чему не обязывают и ничего не определяют. Как это люби какого-то Бога, которого каждый понимает по-своему, а другие и вовсе не признают, и люби ближнего, как самого себя, тогда как в меня вложена, ни на мгновение не покидающая меня, любовь к себе, и очень часто столь же постоянная ненависть к другим? Это так неясно и неисполнимо, что остается пустою фразою.

Моё мнение то, что это положение метафизическое, очень важное, как таковое, но когда это же положение понимается, как правило жизненное, как закон, то оно просто глупо. А к сожалению, его очень часто так понимают.

Всё это я говорю к тому, чтобы выяснить то, что значение христианства, как и всякой веры, не в метафизических принципах (метафизические принципы во всем человечестве, Будда¹², Конфуций¹³, Сократ¹⁴ всегда были и будут одни и те же), а в приложении их к жизни, в живом представлении о том благе каждого человека и всего человечества, которое достигается при приложении их, и в определении тех правил, которыми оно достигается.

Ещё во второзаконии¹⁵ сказано: люби Бога и ближнего, как самого себя; но приложения этого принципа по второзаконию состояли в обрезании, субботе и уголовном законе. Значение

христианства состоит в указании возможности и счастья исполнения закона любви. Христос в нагорной проповеди¹⁶ очень ясно определил, как надо и можно, для счастья своего и всех людей, исполнять этот закон. В нагорной проповеди, которой если бы не было, не было бы учения Христа, в чём все соглашаются, в которой Христос обращается не к мудрецам, а к безграмотным, к сиволапым; в проповеди, которая обставлена вступлением, что кто не исполнит единой от малых (Мф. 5. 17—20) и заключением, что не говорить надо, а исполнять (Мф. 7. 21—27), в этой проповеди всё сказано, и дано 5 заповедей о том, как исполнять учение. В нагорной проповеди изложены самые простые, легкие, понятные правила приложения любви к Богу и ближнему, к жизни, без признания и исполнения которых нельзя говорить о Христианстве. И

как ни странно сказать это после 1800 лет, мне привелось открывать эти правила, как что-то новое. И только, когда я понял эти правила, только тогда я понял значение учения Христа. Правила эти так удивительно захватывают всю жизнь каждого человека и всего человечества, что только представь себе человек исполнение этих правил на земле, и на земле Царство правды. И потом разбери все эти правила отдельно, прилагая их к себе и увидишь, что этот невообразимо блаженный и огромный результат получается от исполнения самых простых, естественных, не только лёгких, но приятных для исполнения правил. Подумаешь, нужно ли что-нибудь прибавить к этим правилам для того, чтобы осуществилось царство правды? Ничего не нужно. Подумаешь, можно ли отрицать одно из правил, чтобы не нарушить царства правды? Нельзя. Если бы я ничего не знал из учения Христа, кроме 5 правил, я и тогда был бы таким же христианином, как теперь:

1) Не сердись; 2) Не блядуй; 3) Не клянись; 4) Не судись; 5) Не воюй. Вот в чём для меня сущность учения Христа.

И это-то ясное выражение учения Христа было спрятано от людей, и потому человечество постоянно отступало от него в две крайние стороны. Одни, видя в учении Христа учение о спасении души, для грубо представляемой ими себе вечной жизни, устранились от мира, заботясь только о том, что им самим для себя делать, — как усовершенствоваться в одиночку, что было бы смешно, если бы не было жалко. И страш-

ные силы потрачены этими людьми, и их много было, и тратились силы на невозможное и глупое — делать добро для себя в одиночку, без людей. Другие, напротив, не веря в будущую жизнь, жили, лучшие из них, только для

других, но не знали и не хотели знать, что́ нужно им для себя и во имя чего они хотят добра другим и какого добра. Мне кажется, что одно не возможно без другого; человек не может делать себе, своей душе добро, не действуя для других и с другими, как это делали аскеты религиозные и лучшие из них, и не может делать доброго людям, не зная, что́ ему самому нужно, и во имя чего он действует, как это делали и делают общественные деятели без веры. Я люблю людей первого разряда, но всеми силами души ненавижу их учение, и люблю, очень люблю людей 2 разряда и ненавижу их учение. В том только учении истина, которое указывает деятельность — жизнь, удовлетворяющую потребностям души и которая вместе с тем есть постоянная деятельность для блага других. Таково учение Христа. Оно одинаково далеко от квиетизма религиозного, от заботы о своей душе и от революционного задора (правительственная, поповская деятельность, революционная), желающего благодетельствовать других, не зная вместе с тем, в чем состоит истинное, несомненное благо. Христианская жизнь такова, что нельзя сделать добра людям иначе, как сделав добро самому себе, своей разумной душе, и не сделать добро себе иначе, как делая добро братьям. Христианская жизнь одинаково далека от квиетизма и от задора. Люди молодые и вашего строя мысли, склонны смешивать христианское учение истинное с квиетизмом суеверов. И им кажется, что отказаться от сопротивления злу насилем очень удобно и легко, и что от этого дело христианское ослабевает и лишается сил. Это не верно. Вы поймите, что христианин отрекается от насилия не потому, что он не любит того же, что́ вы желаете; не потому, что он ясно видит, что насилие — первое, что напрашивается человеку при виде зла; но он видит, что насилие отдалит его от цели, а не приблизит к ней, что оно не разумно, как неразумно человеку, желающему добраться до воды родника, палкой прибивать ту землю, которая отделяет его от ключа. И человеку, отвергающему насилие не

легче, — напротив; как нелегче взять заступ и копать, чем колотить колом землю. Ему

легче только тем, что он твёрдо знает, что не противясь злу насилием, а рассеивая его добром и истиной, он делает, что́ может, исполняет волю Отца, по выражению Христа. Нельзя огнём тушить огонь, водой сушить воду, злом уничтожать зло. Уж это делали, делали с тех пор, как свет стоит и достигли того положения, в котором мы живём. Пора бы бросить старый приём и взяться за новый, тем более, что он и разумнее. Если есть движение вперёд, то только благодаря тем, которые добром платили за зло. Что если бы одна миллионная тех усилий, которые употребляются людьми на то, чтобы насилием побороть зло, употреблялась на то, чтобы переносить зло, не участвуя в нём, и светить тем светом, который дан каждому. Хоть просто с опытной точки зрения — тем ничего не добились, — отчего же не попытаться другого, тем более, что это так ясно, очевидно и радостно. Хоть частный пример: вспомним Россию за последние 20 лет. Сколько истинного желания добра, готовности к жертвам, сколько потрачено нашей интеллигенцией молодой на то, чтобы установить правду, чтобы сделать добро людям! И что же сделано? Ничего! Хуже, чем ничего. Погубили страшные душевные силы. Колья переломали и землю убили хуже, чем прежде, что и заступ не берёт. — Вместо тех страшных жертв, которые принесены молодёжью, вместо выстрелов, взрывов, типографий, что если бы эти люди верили в учение Христа, т. е., считали бы, что христианская жизнь есть одна разумная жизнь, что если бы вместо этого страшного напряжения сил, один, два, десять, десятки, сотни людей просто бы на призыв их на военную службу, сказали бы: мы не можем служить убийцами, потому что мы верим в учение Христа, то,

которое вы исповедуете. Это запрещено его заповедью. То же бы они сказали по отношению присяги. То же бы сказали по отношению судов, то же сказали бы и исполняли по отношению к насилию, утверждающему собственность; что бы было из этого, я не знаю, но знаю, что это подвинуло бы дело, и что один путь деятельности плодотворный, — не делать того, что противно учению Христа и прямо, и открыто утверждать его — и не для достижения только внешних целей, а для своего внутреннего удовлетворения, которое состоит в том, чтобы не делать зла другим, пока ещё я не в силах делать добро им.

Вот мой ответ на ваши вопросы о том, чего нужно добиваться. Нужно добиваться того, чтобы исполнять правила Христа для себя и открывать людям свет и радость исполнения их. Всё это, впрочем, лучше сказано в Евангелии: Мф. 5, 13—16. — Предвижу ещё возражение. Вы скажете: неясно, как исполнять эти правила и к чему они приведут нас. Как по этим правилам относиться к собственности, к власти, к международным отношениям?

Не думайте, чтобы у Христа было что-нибудь неясное. Всё ясно, как день. Отношение к власти выражено в рассказе о динарии¹⁷. Деньги — собственность, есть дело нехристианское. Оно идёт от властей, власти и отдавай. Но душа твоя свободная от Бога истины, и потому твои дела, твою разумную свободу никому не отдавай кроме Бога. Убить тебя могут, но заставить убивать и сделать нехристианское дело не могут. К собственности: собственности нет по Евангелию, и горе тем, у кого она есть, т. е. им плохо и потому в каком бы положении ни находился христианин, он по отношению к собственности ничего другого не может делать, как то, чтобы не участвовать в насилии, совершаемом во имя собственности, и того,

чтобы разъяснить другим, что собственность есть миф, что собственности нет, а есть известное привычное насилие по отношению к пользованию вещами, которое люди называют собственностью, и которое дурно.

У человека, который будет отдавать кафтан, когда хотят снять рубаху, не может быть речи о собственности. Вопросы о международных отношениях тоже не может быть. Все люди братья — одинакие. И если пришли Зулу¹⁸, чтобы изжарить моих детей, то одно, что я могу сделать, это постараться внушить Зулу, что это ему не выгодно и не хорошо, — внушить, покоряясь ему по силе. Тем более, что мне нет расчёта с Зулу бороться. Или он одолеет меня и ещё более детей моих изжарит, или я одолею его, и дети мои завтра заболеют в мучениях худших и умрут от болезни. Расчёта нет, потому что покоряясь я наверное делаю лучше, а сопротивляясь, я сомнительно делаю лучше.

Так вот мой ответ: наилучшее, что мы можем сделать — это исполнять самим всё учение Христа. А чтобы исполнять его, мы должны быть уверены, что оно есть истина и для всего человечества и для каждого из нас. Имеете ли вы эту веру?

Статью вашу¹⁹, я думаю, лучше напечатать, хотя и с сокращениями. Ещё два возражения, или вопроса, которые, я воображаю, вы должны мне сделать. Первое, это то, что если покоряться так, как я говорю, и Зулу, и городскому и отдавать злему человеку всё, что он захочет отнять у меня, если не участвовать в государственных учреждениях судов, учебных заведений, университетов, не признавать свою собственность, то падёшь на низшую ступень общественной лестницы, тебя затопчут, затрут, ты будешь бродяга-нищий, и свет, который есть в тебе, пропадёт даром, никто и не увидит его и потому не лучше ли поддерживать себя на известной степени

независимости от нужды и возможности образования и общения с наибольшим кругом людей — печать. Действительно так кажется, но это только кажется. И кажется так потому, что нам дороги наши удобства жизни, наше образование и все те радости мнимые, которые оно доставляет нам, и мы кривим душой, — говоря это. Это несправедливо потому, что на какой бы низкой степени человек ни стоял, он всегда будет с людьми и потому в состоянии делать добро им. А лучше ли профессора университета — важнее ли жителей ночлежного дома для христианского дела, — это вопрос, которого никто решить не может. В пользу нищих говорит мое собственное чувство и пример Христа. Только нищие могут благовествовать, т. е., учить разумной жизни. Я могу рассуждать прекрасно и быть искренним, но никто никогда не поверит мне, пока будут видеть, что я живу в палатах и проживаю с семьей в день стоимость годовой пищи бедной семьи. А что касается вашего мнимого образования, то пора бы перестать говорить о нем, как о благе. Испортить человека оно испортит совсем из 100 — 99, но прибавить что-нибудь человеку уже никак не может. Вы, верно, знаете про Сютяева²⁰. Вот вам безграмотный мужик, — а его влияние на людей, на нашу интеллигенцию больше и значительнее, чем всех русских ученых и писателей, со всеми Пушкинами²¹, Белинскими²² вместе взятыми, начиная от Третьяковского²³ и до нашего времени. Так потерять ничего не потеряешь. И если кто оставит дом, отца и мать, и братьев, и жену, и детей, то найдет в 100 раз больше здесь в мире этом и домов, и отцов и еще жизнь вечную. Многие первые будут последними: Мф. X. 29.

Теперь другой вопрос, прямо неволью вытекающий из этого. Ну, а вы, А[ев] Н[иколаевич], проповедывать вы проповедуете, а как исполняете? Вопрос этот самый

естественный и мне его делают всегда, и всегда победоносно зажимают мне рот. — Вы проповедуете, а как вы живёте? И я отвечаю, что я не проповедую, и не могу проповедывать, хотя страстно желаю этого. Проповедывать я могу делом, а дела мои скверны. То же, что я говорю, не есть проповедь, а есть только опровержение ложного понимания христианского учения и разъяснение настоящего его значения. Значение его не в том, чтобы во имя его насильем перестраивать общество; значение его в том, чтобы найти смысл жизни в этом мире. Исполнение пяти заповедей даёт этот смысл. Если вы хотите быть христианином, то надо исполнять эти заповеди, а не хотите их исполнять, то не толкуйте о христианстве, вне исполнения этих заповедей. Но, говорят мне, — если вы находите, что вне исполнения христианского учения нет разумной жизни, а вы любите эту разумную жизнь, отчего вы не исполняете заповедей? Я отвечаю, что я виноват и гадок, и достоин презрения за то, что не исполняю, но при том, не столько в оправдание, сколько в объяснение непоследовательности своей, говорю: посмотрите на мою жизнь прежнюю и теперешнюю и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнил и $1/1000$, — это правда и я виноват в этом, но я не исполнил не потому, что не хотел, а потому что не умел. Научите меня, как выпутаться из сети соблазнов, охвативших меня, помогите мне, и я исполню, но и без помощи я хочу и надеюсь исполнить. Обвиняйте меня, я сам это делаю, но обвиняйте меня, а не тот путь, по которому я иду и который указываю тем, кто спрашивает меня, где, по моему мнению, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаюсь из стороны в сторону, то неужели от этого не верен путь, по которому я иду? Если не верен, — покажите мне другой, если я сбиваюсь и шатаюсь, — помогите мне, поддержите меня на настоящем пути, как я готов поддержать вас, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите с восторгом: вон он, говорит,

что идет домой, а сам лезет в болото. Да, не радуйтесь же этому, а помогите мне, поддержите меня.

Ведь вы не черти из болота, а тоже люди, идущие домой. Ведь я один, и ведь я не могу желать идти в болото. По-

можете мне, у меня сердце разрывается от отчаяния, что мы все заблудились, и, когда я бьюсь всеми силами, вы, при каждом отклонении, вместо того, чтобы пожалеть себя и меня, суёте меня и с восторгом кричите: смотрите, с нами вместе в болото.

Так вот моё отношение к учению и исполнению. Всеми силами стараюсь исполнить и в каждом неисполнении не то, что только каюсь, но прошу помощи, чтобы быть в состоянии исполнять, и с радостью встречаю всякого, ищущего путь, как и я, и слушаюсь его.

Если вы прочтете то, что я посылаю²⁴, вам будет понятнее и содержание этого письма.

Пишите мне, я очень рад общению с вами, и с волнением буду ждать вашего письма.

*****

О ПИСЬМЕ И О ЕГО АДРЕСАТЕ

Печатается по копии, хранящейся в Архиве В. Г. Черткова (АЧ). Впервые (?) опубликовано в изд. М. Элпидина: «Lettre à NN, par le comte L. Tolstoi. Письмо к NN графа Л. Н. Толстого» Geneve, M. Elpidine, Libraire-Editeur 3, Rue des Alpes, 3. — S. a. [1885 —1889?] Датируется на основании писем М. А. Энгельгардта, первое из которых датировано 10 декабря 1882 г. На это письмо Толстой отвечал письмом, оставшимся редакции неизвестным. В свою очередь М. А. Энгельгардт написал Толстому второе письмо (без даты) и в ответ получил от Толстого приводимое нами выше письмо. Учитывая все эти обстоятельства, мы и относим письмо Толстого к концу декабря, но во всяком случае не позднее 20 января 1883 г., т. к. 24 января помечено ответное письмо М. А. Энгельгардта (см. «Письма М. А.

Энгельгардта» — «Письма Толстого и к Толстому. Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», Гиз, 1928, стр. 306 — 325).

Михаил Александрович Энгельгардт (р. 1861 г. — ум. 21 июля 1915 г.) — сын известного в свое время общественного деятеля и публициста Александра Николаевича Энгельгардта; воспитывался в Петербургском университете, но курса не кончил и в 1881 г. за участие в студенческих «беспорядках» был выслан на пять лет в имение своего отца Батищево, Смоленской губ. С тех пор посвятил себя почти исключительно журнальной деятельности. В 1890-х и 1900-х годах сотрудничал в «Новостях», помещая статьи по вопросам социально-экономическим и сельско-хозяйственным; состоял секретарем редакции «Хозяина». Отдельно изданы им: «Письма о земледелии» (Спб. 1899); «Вечный мир и разоружение»; «Прогресс, как эволюция жестокости» (Спб. 1899); «Леса и климат» (Спб. 1902). Помимо этого им написаны для «Биографической библиотеки» Павленкова биографии: Дарвина, Гумбольдта, Коперника, Пастера, Лавуазье, Пржевальского и др. История его переписки с Толстым следующая. Прочитав в «Руси» (1882 г. №№ 38, 39, 40) статью В. С. Соловьева «О церкви и расколе», М. А. Энгельгардт написал свои возражения, в которых высказывался против ортодоксального христианства, и послал редактору «Руси» И. С. Аксакову для напечатания. В виду резкости этих возражений Аксаков напечатать их в своем журнале отказался и переслал их для ответа В. С. Соловьеву, уведомив об этом автора. По этому поводу завязалась переписка между И. С. Аксаковым и М. А. Энгельгардтом. Но, не будучи вполне уверенным в себе, М. А. Энгельгардт обратился письменно к Толстому (письмо от 10 декабря 1882 г. АТБ), как к человеку «хорошо изучившему Евангелие и вообще религиозные вопросы», послав ему свою статью для отзыва. Толстой отвечал ему письмом, оставшимся редакции неизвестным. Обрадовавшись такому вниманию и поддержке со стороны Толстого, М. А. Энгельгардт написал ему второе письмо, более пространное, приложив свою переписку с И. С. Аксаковым, где Энгельгардт, указывая Аксакову на несостоятельность церковного христианства с точки зрения истинного учения Христа, между прочим, пытался дать оправдание революционной борьбы, «борьбы во имя общего блага». Вот что писал Энгельгардт Толстому: «Особенно один вопрос занимает меня: отношение к власти, к насилию: должен ли христианин покоряться даже несправедливым и гнусным постановлениям; не делается ли он через это соучастником преступления? По моему делается. Перед моими глазами убивают или мучат людей, не должен ли я заступиться за них, когда они просят меня о помощи, хотя бы пришлось их освободить силой. Но как же теперь добиться осуществления евангельского учения, что делать? Проповедывать словом и делом, основывать самим общины, действовать на народ и на интеллигенцию, стараться приобретать сторонников как из народа, так и из интеллигенции. Не так ли? Стараться завести сношения с существующими в России сектами и добиваться того, чтобы разбросанные по всей России

приверженцы истинного учения соединились в один союз? Должно ли при этом преследовать и политические цели, т. е. на ряду с проповедью истинного учения среди народа стараться влиять на правительство с целью добиться известных реформ. Мне кажется, — должно, для успеха самой проповеди. Многие внешние условия влияют на крестьянство развращающим образом, вызывают и развивают в нем дурные чувства. Возьмем например земельный вопрос. В настоящее время положение вещей, как известно, такое: масса крестьянства поставлена в самые тяжелые экономические условия — земли мало, податей много, и рядом огромные пространства земли пустуют. Постоянная нищета, вечная необходимость биться из-за куска хлеба не дает крестьянину времени одуматься, оглядеться, задать себе вопрос о смысле его жизни, ожесточает его: тут уж не до других — было бы самому живу. Развиваются эгоистические наклонности, а тут перед носом пустующие земли — лакомый кусок; каждому думается: удайся мне заарендовать или купить кусок земли — и вот я пан. И действительно, наиболее ловким, умным, способным личностям удается захватить себе земли и подчинить остальную массу крестьян в качестве батраков. Таким образом, люди вовсе не Колупаевского пошиба, люди, как говорится, с искрой божьей, выделяются из общины в качестве эксплуататоров, община разрушается. Крестьянин наш не превратился еще в сознательного буржуа, засевавшего на принципе собственности, как на каменном фундаменте, с которого его никакими рычагами не сдвинешь; но он всё же не видит в общине единственно справедливого и разумного строя; иначе он давно перешел бы к общинной обработке земли. Он не видит ничего дурного в батраческом хозяйстве: «поломай хряпку с мое и ты станешь богат; я своим трудом добро нажил, не воровством, не грабежом».... Выделяется один, а соблазн действует на всех; всякий стремится разбогатеть индивидуалистическим путем; богачу завидуют, да и друг в друге видят конкурентов, соперников.... Предположим, что совершилось равномерное распределение земель; положение общины: нищета ведь озлобляет, ожесточает человека; раз все пользуются благосостоянием, не из-за чего и враждовать. С другой стороны наиболее выдающимся из крестьян окажется невозможным выделяться из общины в качестве контролистов: земель будет негде взять; да батраков тоже негде. Конечно, останутся ленивые и неспособные, да ведь на них не выедешь, не оснуешь буржуазного строя; масса крестьянства имеет слишком сильное стремление к самостоятельному хозяйству, чтобы пойти в батраки. И вот придется искать новой формы хозяйства: ум народный естественно натолкнется на мысль вести дело сообща. В этом смысле лучшая часть интеллигенции могла бы — мне кажется — оказать огромную услугу сектантству; могла бы исправить ошибку, в которую постоянно впадают секты. Они не обращают внимания на условия жизни народа и думают, оставив эти условия в стороне, преобразовать самих людей; но только часть этих последних способна стать выше окружающих условий; остальные поддаются соблазну. Не должны ли итти рука об руку основание общин, проповедь истинного учения и стремления добиться известных реформ от

государства? Не есть ли это наилучший путь для достижения нашей цели? Если бы несколько сот тысяч человек могли соединиться в один союз, то это была бы уже огромная сила.— Как вы думаете обо всем этом? Наша интеллигенция совершенно оставляет в стороне сектантское движение и, мне кажется, этим сама лишает себя возможности сблизиться с народом. Когда совершалось реформационное движение на западе, тамошняя интеллигенция стояла во главе его; у нас религиозное движение в народе совершается без участия в нем образованных людей. А между тем западное реформационное движение вовсе не было христианским; оно совершалось в духе индивидуализма, не даром оно опиралось главным образом на Ветхий завет. У нас же заметно движение к познанию христианства, евангельского учения, что мешает нашей интеллигенции присоединиться к этому движению. Евангелие, как учение о человеческих отношениях, не имеет себе равных, — теологические воззрения могут быть сообразны с научными познаниями нашего времени. Отвергать возможность превращения воды в вино, или хождение по морю, как по сухой земле — не значит отвергать евангельского учения о человеческих отношениях.

Я слышал, что вы написали комментарии к Евангелию. Мне совестно вас беспокоить, но вы сами поймете, как бы мне хотелось их прочесть. А между тем, я не знаю, как их достать; говорят, что они распространены в Москве в рукописях, но у меня нет знакомых, через которых я бы мог достать их. Нельзя ли будет получить через вас? Аксаков писал мне, что если я сокращу свою статью и выброшу из нее резкие выражения (вроде — рукоположения собаки), то он может напечатать ее вместе с ответом Соловьёва. Как вы думаете, — стоит? Мне бы хотелось, чтобы мои мнения распространились — быть может найдутся в интеллигенции еще люди, которые поймут, что нельзя смешивать христианство с православием и что насколько лживо последнее, настолько же высоко первое». (из письма М. А. Энгельгардта, без даты — «Письма Толстого и к Толстому. Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» Гиз, 1928, стр. 308 — 311). — На это и отвечал Толстой своим большим письмом. К истории написания этого письма Толстого приведем еще выдержку из дневника Н. Н. Гусева, характеризующую настроение Льва Николаевича и его окружающих в период его написания. Вот что записывает Н. Н. Гусев 21 марта 1908 г. в своем дневнике: «Софья Андреевна вспомнила про письмо к Энгельгардту. — «Я, — сказала она, — положила его в конверт и написала: «Письмо к Энгельгардту, которого Лев Николаевич не только никогда не знал, но и не видал», а там пусть судят, как хотят. Я ужасно оскорбилась этим письмом». — Это то самое письмо, в котором Лев Николаевич пишет о том, как он «страшно одинок и до какой степени то, что есть мое настоящее «я», презираемо всеми окружающими меня». Написано оно было в 1882 году. Слова Софьи Андреевны живо перенесли меня в это тяжелое для Льва Николаевича время» (Н. Н. Гусев, «Два года с Толстым» М. 1912, стр. 265).

О М. А. Энгельгардте см. С. А. Венгеров, «М. А. Энгельгардт» — «Речь» 1915, от 22 июля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иван Сергеевич Аксаков в письмах к М. А. Энгельгардту отстаивал церковное христианство, стараясь оправдать его с исторической точки зрения. «Христос не упразднил истории, — говорил он, — Христос не сказал рабовладельцу: освободи рабов... но сказал — вы все перед богом равны». Другими словами Христос не давал людям практических указаний на их поступки, а дал лишь ряд принципов, рассматривать которые должно в исторической перспективе. В противном же случае, по мнению И.С.Аксакова, из этого может выйти лишь то, что «всякий возомнит себя судьей и начнет творить суд и расправу», т. е. произойдет — революция.

Переписка М. А. Энгельгардта с И. С. Аксаковым напечатана в сб. «Письма Толстого и к Толстому. Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», Гиз, 1928, стр. 317 — 325.

² Владимир Сергеевич Соловьев.

³ М. А. Энгельгардт, указывая на целесообразность «внутренней» революционной борьбы, между прочим писал: «Замечу еще, что наш знаменитый гуманист, сторонник псевдо-христианского смирения, противник всяких революций, Достоевский тоже признает войну, восстания. Именно, по поводу войны с турками он говорит в одном из номеров «Дневника писателя», что лучше сбросить турецкое иго силой, хотя бы и при помощи кровопролитной войны, чем допускать, чтобы башибузуки сажали на кол детей, жгли, насиловали и совершали всякие неслыханные зверства над несчастными болгарами. Я не помню теперь в каком это номере сказано, но помню, что читав эти рассуждения, восхищался их здравым смыслом и удивлялся, почему это здравый смысл не встречается в других рассуждениях его, касающихся внутренних вопросов. Ибо если позволительна внешняя война за угнетенных, то тем более обязательна внутренняя» (из письма М. А. Энгельгардта к И. С. Аксакову от 21 — 29 ноября 1882 г. АТБ).

⁴ Никейский собор — церковный собор в Никее (Вифания) в 325 году, где выработывался символ церковно-христианской веры.

⁵ Павел — апостол и проповедник христианства в I веке. Казнен при императоре Нероне около 65 г. Церковь приписывает ему четырнадцать «Посланий», которые являются попыткой систематического изложения христианского учения. Толстой всегда относился к его «Посланиям» отрицательно, видя в них непонимание учения Христа и иногда искажение самых основ его. Христианство, проповедуемое Павлом, Толстой называл «павлинизмом» в отличие от истинного христианства.

⁶ Иоанн — евангелист.

⁷ Каиафа — прозвище иудейского первосвященника, имя которого было Иосиф. Высокомерный саддукей, выше всего ценивший личные интересы, он выступал ярким врагом Христа, в котором видел опасного возмутителя. Он первый подал совет пожертвовать этим «галилейским учителем», чтобы не

«погиб весь народ», т. е. чтобы не произошло возмущение, которое повлекло бы жестокую расправу со стороны римлян.

⁸ «Краткое изложение Евангелия». См. прим. 7 к письму № 61.

⁹ «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий» — в то время по цензурным условиям еще не появлялось в печати и распространялось в рукописи.

¹⁰ Пётр — апостол, один из приближенных учеников Христа. Случай, о котором упоминает Толстой, известен в евангельском рассказе о взятии Христа в Гефсиманском саду, где Петр бросился с мечом защищать своего учителя. См. Мф. гл. XXVI, ст. 50 — 54.

¹¹ Иерусалим — главный город древней Палестины.

¹² Будда — Сиддарта-Гаутама, — индийский религиозный мыслитель, основатель буддизма. Жил в конце VI в. до н. э. Толстой одно время занимался составлением его жизнеописания (см. т. 25).

¹³ Конфуций — китайский мудрец. См. прим. 2 к письму № 116.

¹⁴ Сократ (469—399 до н. э.) — греческий философ. Одно из основных положений его учения было направлено на опровержение господствовавшего в то время субъективизма софистов. В противовес последним Сократ настаивал на возможности твердого знания и отсюда — абсолютной истины, абсолютного добра. Добро есть тоже знание, поэтому все люди могут стать добрыми. Никто не зол по доброй воле, а лишь по неведению.

¹⁵ Второзаконие — пятая книга Библии, приписываемая церковью Моисею.

¹⁶ Нагорная проповедь — так в Евангелии называется проповедь Христа, произнесенная им на дороге между Фавором и Капернаумом (на горе Курн-Хаттин). В ней в сжатой форме выражена сущность его учения (см. Мф. гл. V—VII, Лук. XVII—XIX).

¹⁷ «Рассказ о динарии» — см. Мф. XXII.

¹⁸ «Зулу» — негритянское племя в юго-восточной Африке, в бассейне реки Тугела.

¹⁹ «По поводу статей В. С. Соловьева» — рукопись статьи М. А. Энгельгардта. Копия с нее хранится в АЧ.

²⁰ Василий Кириллович Сютаев. См. прим. 8 к письму № 79.

²¹ Александр Сергеевич Пушкин (1799 — 1837) — поэт.

²² Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848) — критик.

²³ Василий Кириллович Тредьяковский (1703—1769) — русский ученый и поэт.

²⁴ Возможно, что речь идет о рукописи «Краткого изложения Евангелия», которую Толстой послал с М. С. Громекой (см. прим. к письму № 143). О получении рукописи М. А. Энгельгардт писал Толстому в письме от 14 января 1883 г. (см. «Письма М. А. Энгельгардта» — «Письма Толстого и к Толстому. Труды Публичной библиотеки имени В. И. Ленина», Гиз, 1928, стр. 306—325).